



*Костромин К. А.*

### Потестарность и христианизация Руси

Заявленный в заглавии статьи разговор о потестарности заставляет автора сразу же сделать оговорку: пытаюсь свести воедино теорию и фактические данные, изучаемая историческая ситуация одновременно и усложняется, и упрощается. Усложняется тем, что по мере углубления в сюжет и абстрагирования от него путем создания новых абстрактных понятий и схем, ища (и находя) закономерности, которым нет имени, ученый способен «закопаться» в терминах и чрезмерно усложнить представления о прошлом. Упрощение же состоит в том, что полифония и многообразие жизни, сложность мотивации человеческой деятельности сводится к тем же, но понятным и достаточно простым схемам. Однако наука сегодня находится в той стадии, в которой она не свободна от необходимости создавать схемы и спорить о терминах, пытаюсь нащупать среди изучаемых явлений «твердые островки» и договориться о понятиях, которые меняют содержание не столько от словоформ, их обозначающих, сколько описаний. Тем более, разговор о потестарности, по определению сложный, затрагивающий много понятий и явлений, неизбежно будет упрощен в таком небольшом по объему сочинении, как научная статья.

Однако уйти от определения потестарности и описания ее атрибутов невозможно. Термин «потестарность» в отечественную науку фактически ввел Л.Е. Куббель, изучавший центральноафриканские государства Средневековья<sup>1</sup>. Он оказался в сложном положении, пытаясь донести до европейски мыслящего читателя (каковым был и советский человек) принципы политической организации, столь разительно отличавшиеся от привычных и потому не укладывавшихся в традиционные представления о государстве. Для характеристики подобных **неевропейских** обществ и был выдуман и применен термин потестарный. Впоследствии он был по понятным причинам с заметным успехом применен и к кочевым народам Средней Азии и Дальнего Востока. Автор же термина, Ю. В. Бромлей, обозначил его в самых общих чертах – как племенное общество, обладающее властными (неполитическими) институтами<sup>2</sup>.

Термин был создан в рамках марксистской парадигмы исторической науки, т.е. отталкивался от идеи классовой борьбы как основы социально-политических процессов. Поскольку не во всех наблюдавшихся обществах прослеживалась классовая борьба, то оказалось необходимым описать политический процесс в иных категориях, не выходя при этом за пределы марксистской методологии. Так был оформлен тезис, что потестарными являются «общества прежде всего доклассовые или пребывающие на разных стадиях перехода от доклассовости к классовости, равно как общества раннеклассовые и общественные

<sup>1</sup> Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л. Е. Куббеля. М., 1993. С. 15-39.

<sup>2</sup> Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 35.

организмы со сложившейся докапиталистической классовой структурой»<sup>3</sup>. После того как классовая теория вслед за марксизмом перестала определять повестку дня исторической науки, потребовалось иначе обозначить понятие потестарности, благо в его характеристиках содержалось достаточно особенностей для сохранения термина вне классовой теории.

В какой-то степени ключевым здесь является противопоставления государственного и догосударственного общества<sup>4</sup>. В качестве одной из ключевых характеристик, отличающих догосударственное общество от государственного чаще, всего является наличие письменности: «Как известно, в обществах до- и раннеклассовых вся культура в целом может рассматриваться в качестве традиционно-бытовой в силу своего бесписьменного характера (это означает опору прежде всего на устно передаваемую традицию) и недостаточной специализации отдельных своих сфер»<sup>5</sup>. Кроме того, своеобразным «порогом» государственности Л. Е. Куббель полагал необходимость разграничения политической и социальной культуры. До тех пор, пока политическое и социальное руководствуются одним и тем же общинным укладом, отношения могут быть охарактеризованы как потестарные, хотя при этом он пытался выделить семейные отношения из этой классификации<sup>6</sup>.

Останавливаясь на этих характеристиках, отметим, что именно они, как и противопоставление классового и доклассового общества, позволили А.Ю. Дворниченко поставить вопрос о потестарности древнерусского общества<sup>7</sup>. При этом он исходил из общинного характера уклада Древней Руси, несовершенным характером власти князей, которое он, вслед за некоторыми западными коллегами, классифицировал как вожжество<sup>8</sup>, и отсутствием классовых отношений в Древней Руси, как это утверждал его учитель – И. Я. Фроянов<sup>9</sup>.

Сама по себе эта идея – далеко идущая и сулящая глубоко продвинуться в суть общественных, политических и экономических отношений как в самой Древней Руси, так и в теоретических их основах. Представляется резонным сделать несколько дополнений к концепции А. Ю. Дворниченко. Поскольку термин потестарный чаще всего применялся к неевропейским обществам<sup>10</sup>, то применительно к обществам, развивавшимся в пределах воздействия европейской куль-

<sup>3</sup> Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 24.

<sup>4</sup> Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. С. 28.

<sup>5</sup> Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. С. 24-25.

<sup>6</sup> Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. С. 31-32.

<sup>7</sup> Дворниченко А. Ю. Крещение Руси и Литвы в контексте потестарного общества // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιρωσια· εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει. Альманах, Вып. 3: Материалы научной конференции “Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации” Санкт-Петербург, 23-24 сентября 2015 г. / Под ред. к.и.н. прот. К. А. Костромина. СПб., 2015. С. 76-84.

<sup>8</sup> Дворниченко А. Ю. Племенные структуры и славянские политогенезы (реплика) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. №2. С. 154-156.

<sup>9</sup> Фроянов И. Я. Древняя Русь. Очерки исследования истории социальной и политической борьбы. СПб., 1995. С. 698-699.

<sup>10</sup> Л. Е. Куббель и его ученики и последователи применяли его в основном к народам Африки (см.: Ранние формы социальной стратификации). Э. Ш. Идрисов с успехом применил его к народам Средней Азии (Идрисов Э. Ш. Потестарно-политический процесс в традиционалистской этноспецифической среде. Дисс. ... канд. политических наук. Волгоград, 2005).

туры (а под ней в данном случае необходимо понимать тот мир, который формировался в рамках наследия римской (и, стало быть, греческой) античности и охватывал, таким образом, латинские страны Европы и «византийское содружество государств»), его использование вызывает определенные затруднения. К таким обществам неизбежно необходимо причислить и Древнюю Русь. Потестарное общество, если говорить о нем максимально упрощенно, это общество, находящееся на той стадии общественно-экономического развития, когда оно наиболее близко к общинному укладу и характеризуется столь простым (примитивным) устройством, что не нуждается в ключевых атрибутах цивилизации – развитии официальной культуры, наличии письменности, сложных мировоззренческих системах и принципах организации властных и религиозных институтов. К X–XI векам такие государства были чувствительны к таким понятиям, как государственная граница, наличие правоустанавливающих законов и актов и единое экономическое пространство.

Все три характеристики нуждаются в небольшой детализации. Государственная граница не была строгой необходимостью, но маркировалась с достаточной степенью четкости в тех местах, где речь шла либо о территориальном конфликте между государствами, либо о защите своих территорий от агрессивных племен. Именно так формировалась именно в X–XI веках и позднее граница Германского королевства. По мере разгорания конфликта с Польшей, граница с ней обретала все большую четкость, а при отсутствии аналогичного конфликта с Чехией, граница здесь оставалась неопределенной достаточно долгое время. В то же время, граница была достаточно четкой на западе, где войны эпохи Каролингов заставили монархов определиться с линией разграничения<sup>11</sup>.

Разумеется, все государства Европы X–XI веков не знали исчерпывающих законодательных систем, но традиция вносить законодательные акты от имени монарха постепенно сложилась со времен Пипина Короткого и Карла Великого<sup>12</sup>. При этом этнологи внесли важное дополнение в данное соотношение племенного и государственного устройства. В быстро развивающихся государствах общество племенного уровня развития часто отстает по скорости развития от государственных институтов. Иногда даже «сами эти более низкие формы организации начинают выступать в виде культурного признака и служат показателем “племенной” корпоративности»<sup>13</sup>. Тезис о одновременности и разной скорости развития политических, экономических и социальных отношений кажется тем более убедительным, что, несмотря на их несомненную взаимосвязь, они все же являются разными аспектами развития общества и развиваются в зависимости от внешних и внутренних вызовов, которые не всегда находятся в балансе и часто провоцируют к развитию тот или иной аспект вне связи с остальными. В качестве далеко идущего примера можно вспомнить постановку вопроса о еди-

<sup>11</sup> Rosenwein B. Foreword. *Breaking the Rules: Textual Reflections on Transgression. Journal of the Lucas graduate conference*, 2016, no. 04, p. 4.

<sup>12</sup> История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. д.ю.н., проф. О. А. Жидкова и д.ю.н., проф. Н. А. Крашенинниковой. 2-е изд., стер. М., 2004. С. 371-375. – Кризис в формировании правового поля в Европе аналогичен древнерусскому, так как с X по середину XIII века записанное право варварских Правд уступило место устным правовым обычаям, проходившим локальную и стихийную кодификацию во второй половине XIII века (Там же. С. 396-397).

<sup>13</sup> Гиренко Н. М. Племя и государство: проблемы эволюции // Ранние формы социальной стратификации. С. 130.

ной древнерусской внешней политике, не разделяемой не только по социальному или территориальному признаку, но фактически монополизированной киевскими князьями и делегировавшей ими иным князьям при условии, что они будут вести внешнюю политику исходя из глобальных общерусских приоритетов<sup>14</sup>.

Следует признать, что Русь как раз была таким образованием, которое развивалось крайне неравномерно, причем сама неравномерность развития – предмет будущих исследований, так как в современной литературе она обозначена еще очень слабо. И нужно отметить, что один фактор в ее развитии еще сильно недооценен – это появление христианской церкви на Руси и начало ее систематической христианизации. Здесь следует выделить два аспекта.

Первый аспект касается вопроса о **качественной разнице** потестарных и постпотестарных (государственных) общественных институтов. Различный характер власти и религиозных институций, суда и воинских организаций (общественных институтов) может говорить как о потестарности общества, так и о переходе на более высокие уровни развития. Христианская церковь как общественный институт по определению и своим характеристикам – не потестарный институт<sup>15</sup>. Практически с самого своего появления христианская церковь заявила о себе как об обществе, не существующем вне письменной культуры<sup>16</sup>. Она с самого начала развивалась в высокоразвитом обществе (Римской империи) и ориентировалась на высокие образцы интеллектуальной культуры (например, произведения апологетов). Церковь с самого начала претендовала на выстраивания взаимоотношений с властью, даже с враждебно настроенной. Более того, по мере своего развития все больше аспектов жизни церкви требовало применение письменности, так что к VIII-IX векам церковь уже не могла обойтись, например, без записанного текста богослужения<sup>17</sup>, поэтому она не могла развиваться в бесписьменном обществе, каковым, как сказано выше, характеризуется потестарное общество. Именно это обстоятельство заставляло латинских миссионеров прививать христианизируемому населению латиницу, а св. Кирилла и Мефодия – выдумывать письменную систему славянам. При этом та или иная – латинская или греческая христианские культуры (вкуче с поддерживавшими их государствами) «брали на буксир» эти христианизируемые народы, порой и в государственном смысле.

Довольно рано церковь заявила претензию на высокий уровень художественной культуры, начав оформлять катакомбы высококачественной живописью со сложным идейным содержанием. Со временем эти формы живописного убранства молитвенных помещений стали украшаться изображениями Бога и

---

<sup>14</sup> Пащито В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 5-9; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII веков. М., 2001. С. 7-9.

<sup>15</sup> См.: Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011; Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014.

<sup>16</sup> См., например: Мецгер Б. М. Новый Завет: контекст, формирование, содержание / Пер. с англ. Г. Ястребова. М., 2006; Ауди Д. Новый Завет и его литературное окружение / Пер. с англ. В. В. Полосина, под ред. А. Л. Хосроева. СПб., 2000.

<sup>17</sup> См., например: Арранц М. О. И. Как молились Богу древние византийцы. Суточный круг богослужения по древним спискам византийского Евхология. Л., 1979; Успенский Н. Д. Византийская литургия: историко-литургическое исследование. Анафора: опыт историко-литургического анализа. Т. 2. М., 2006.

святых, что окончательно было зафиксировано деяниями седьмого Вселенского собора. После его решений церковь больше не могла обходиться без икон, что требовало также высокого уровня развития художественной культуры от христианизруемых народов. То же самое можно сказать и об архитектуре, поскольку церковь рано начала использовать одни из наиболее совершенных архитектурных форм поздней античности – базилики и ротонды<sup>18</sup>. Довольно скоро христианская храмовая архитектура стала играть роль «локомотива», движущего развитие архитектуры как формы искусства в целом<sup>19</sup>. Ни развитой художественной культурой (сохранившиеся образцы дохристианских изображений говорят об том), ни архитектурой (древнерусские капища и деревянные избы и землянки являются постройками, но не архитектурными сооружениями) Русь не обладала до своего крещения.

Вступала ли церковь во взаимодействие с потестарными обществами в эпоху поздней Античности и Средних веков? Как правило, только в рамках миссионерства, и при этом история христианского миссионерства почти лишена описаний христианизации внегосударственных сообществ<sup>20</sup>. Из всех племен германского происхождения в догосударственный период их существования христианство проникло только к готам (в эпоху формирования варварских королевств – еще к лангобардам, ирландцам и франкам), но готы уже имели письменность и мощную мотивацию к приобщению высокой государственной культуре или, по крайней мере, мысли (например, «История готов» Ульфила). В связи с этим важно отметить (и это подтверждается на русском материале): официальное крещение какой-то части элиты не означает организацию христианизации и ее успех. Так было с последствиями крещения Хлодвига, миссий Ансгария в Скандинавии, Войтеха-Адальберта и Бруно в Пруссии или свят. Стефана Пермского у зырян. **Только развитие общества и постепенное преодоление потестарности определяет успех христианизации и, наоборот, успех (или неуспех) христианизации свидетельствует о преодолении (или непреодолении) потестарности.**

Важно отметить своеобразный «водораздел» крещения Руси, когда в потестарном обществе возник непотестарный институт, сильно интенсифицировавший темпы развития Руси. Развитие активизировалось из-за разнообразных внешних связей, которые могла предоставить христианская церковь. И главным элементом развития стало появление славянской письменности, впервые проникшей, судя по данным эпиграфики, в связи с попытками принять христианство Ярополком Святославичем<sup>21</sup>. Важно другое – государственное общество от-

<sup>18</sup> Всеобщая история архитектуры. В 12-ти тт.: Т. 4. Архитектура Западной Европы. Средние века / Под ред. А. А. Губера, Н. Д. Колли, П. Н. Максимова, И. Л. Маца и др. М.:Л., 1966. С. 19-38.

<sup>19</sup> Всеобщая история архитектуры. В 12-ти тт.: Т. 4. Архитектура Западной Европы. Средние века. С. 8.

<sup>20</sup> Такие описания иногда возникали уже как литературные произведения, которые не имели под собой иной, кроме публицистической, основы. Яркий пример – средневековые памятники о миссионерстве апостола Андрея, которые не имеют под собой исторической основы (см.: *Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее / Пер. с англ. А. А. Зверева. СПб., 2007).

<sup>21</sup> *Медынцева А. А.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000. С. 201-207; *Костромин К., прот.* Князь Владимир и истоки русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства. СПб., 2016. С. 11-17.

личается от потестарного наличием закона, и это, вероятно, чувствовалось в X–XI веках. Именно поэтому первыми русскими письменными памятниками стали зафиксированные письменно законодательные акты – Церковный устав князя Владимира, Правда Русская и Закон судный людем. Важно, что кодификация права на Руси началась с самого непотестарного института – церкви, который и сделал эту кодификацию возможной<sup>22</sup>. Вскоре была оформлена и граница, по крайней мере там, где она была наиболее нужна<sup>23</sup>.

Обозначив качественную разницу Руси, имеющей христианскую церковь, и Руси, ее не имеющей, можно сделать предварительное заключение: поскольку церковь – не потестарный институт, потому ее появление «тянет общество вверх». Христианизация может рассматриваться как средство преобразования потестарного общества в государство<sup>24</sup>.

Второй аспект касается **динамики** нарастания качества, и здесь все очень непросто. Возникает несколько взаимосвязанных вопросов: почему христианизация прошла именно в конце X века?, почему этот процесс не начался раньше?, почему христианизация не удалась княгине Ольге или Ярополку? Можно ли свести всю сложность ответа на эти вопросы исключительно к сопротивлению родовых элит? И если, хотя бы отчасти, это верно, то что произошло с элитами ко времени правления Владимира Святославича? Неудача переговоров 839 года, отсутствие последствий крещения Аскольда и Рюрика<sup>25</sup>, малое влияние христианской общины Киева при Игоре<sup>26</sup>, неудача (отчасти) княгини Ольги и Ярополка могут быть объяснены как своеобразный фальстарт христианизации. Христианизация возможна только при удовлетворении христианизируемого населения ряду условий, в совокупности характеризующихся как готовность преодолеть потестарность. Иными словами, общество должно достичь того уровня развития, который является достаточным для начала христианизации. К нему, в том числе, относится и готовность родовых элит к развитию социальных отношений и переходу в иное качество. И поскольку уровень развития многоаспектен, то крещение с успехом может пройти только в том случае, если **совокупность всех признаков развития общества превышает требуемый для христианизации порог качества**. Обобщая, можно сказать, что общество должно быть внутренне готовым перейти от потестарности к государственности.

---

<sup>22</sup> Сказанное не противоречит мнению, что Устав этот дорабатывался и до нас дошел в том виде, в котором он сложился к XIII или даже XIV веку.

<sup>23</sup> *Бруно Квартфуртский* Послание к германскому королю Генриху II // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4: Западноевропейские источники / Сост., пер. и комм. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 58–59; *Абаев Ю. М.* История становления и развития государственной границы на Северо-Западе Российской Федерации X–XX вв. Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. СПб., 2011. С. 23.

<sup>24</sup> См.: *Гайденко П. И.* Место киевского митрополита в системе политических отношений Киевской Руси (988–1037 гг.). Автореф. дисс. ... канд. исторических наук. Казань, 2005. С. 13 и сл.; *Костромин К., прот.* К вопросу о сравнении крещения Руси и Литвы // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 2 (14). С. 11–28.

<sup>25</sup> *Костромин К.А.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken, 2013. С. 43–59.

<sup>26</sup> Наличие храма в Киеве и то ли влиятельных христиан в днепровской столице, то ли христиан в составе посольства Игоря говорят о присутствии церкви на Руси, но их еще недостаточно, чтобы настаивать на принятии христианства князем.

И здесь возникает главное затруднение. Различные общественные институты и аспекты развиваются неравномерно. Именно поэтому нельзя сказать, что с принятием христианства потестарность была полностью преодолена. Акцент именно на этом делался в работах А. Ю. Дворниченко. Вопрос о том, что дала Руси христианская церковь и насколько Русь сопротивлялась христианизации<sup>27</sup> (в том числе и путем оформления двоеверия как формы пассивного сопротивления) это вопрос о том, «стакан полуполный или полупустой».

Поэтому, ради справедливости, необходимо отметить не только то, церковь дала древнерусскому обществу, чтобы помочь ему преодолеть потестарность, но и в чем она оказалась бессильной. Прежде всего это касается старения рынка. Трудно проследить участие церкви в торговле на Руси, хотя в некоторых случаях – как в Новгороде с начала XII века – участие церкви оказалось важным фактором сложения экономической и хозяйственной системы<sup>28</sup>.

Нужно признать, что церковь не смогла удержать Русь от распада после относительно короткого периода консолидации (с разной степенью централизации власти) второй половины X–XI веков. Однако сохранение церкви как довольно сильного консолидирующего института стало все более осознаваться во второй половине XII – первой половине XIII веков, как силу, примиряющую князей, и как образ единства в начале монгольской эпохи<sup>29</sup>. Правда, и здесь успех был относительным. Это касается не только неоднозначных успехов киевских митрополитов в деле примирения враждующих князей, но и в христианизации населения. Так, ряд окраин подвергался христианизации с трудом, демонстрируя торжество потестарности, как например земли вятичей<sup>30</sup>. Более того, можно утверждать, что христианизация в X–XIII веках коснулась практически только городского населения и не касалась села. В этом смысле концепция городов-государств Древней Руси, разработанная И. Я. Фрояновым вместе с А. Ю. Дворниченко, облегчает понимание этих процессов<sup>31</sup>. Городское население было менее потестарным, чем общинное сельское, хотя дистанция между ними, вероятно, не была столь уж заметной. Более того, именно процессы политической деградации XII века привели, вероятно, и к своеобразной «реставрации» язычества, прослеживаемой в литературных памятниках этой эпохи.

Тем более эти процессы должны были стать очевидными в середине XIII века, когда «монгольско-русская война» привела к обезглавливанию ряда княжеств, к разорениям и жертвам, к обрыву старых взаимосвязей. В этот период даже церковь испытала кризис, главной сутью которого была именно потеря центрального управления и взаимосвязей между епископиями<sup>32</sup>, что максимально приблизило церковь в организационном плане к потестарным институтам. Митрополит Кирилл в 1250-е годы быстро восстановил механизм церковно-

<sup>27</sup> Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. Введение христианства на Руси и языческие традиции // Советская этнография. 1988. № 6. С. 25–34.

<sup>28</sup> См.: Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986 и др.

<sup>29</sup> Гумилев Л. Н. Александр Невский и восточное христианство // Колпица. Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг / Отв. ред. Ю. К. Бегунов и А. Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 73–78.

<sup>30</sup> Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 340–348. – То же самое можно сказать и о других регионах.

<sup>31</sup> См.: Дворниченко А. Ю., Фроянов И. Я. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

<sup>32</sup> Галимов Т. Р. Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1237–1281 гг. Дисс. ... канд. исторических наук. Казань, 2017. С. 94–110.

го управления, поставив его на новые рельсы<sup>33</sup>, и церковь вновь оказалась одной из основных сил, тянувших Русь из потестарной простоты по пути политического развития.

### Источники и литература

1. *Абаев Ю. М.* История становления и развития государственной границы на Северо-Западе Российской Федерации X–XX вв. Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. СПб., 2011.
2. *Арранц М. О. И.* Как молились Богу древние византийцы. Суточный круг богослужения по древним спискам византийского Евхология. Л., ЛДА, 1979.
3. *Ауни Д.* Новый Завет и его литературное окружение / Пер. с англ. В. В. Половина, под ред. А. Л. Хосроева. СПб.: РБО, 2000.
4. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
5. *Бруно Квертфуртский* Послание к германскому королю Генриху II // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4: Западно-европейские источники / Сост., пер. и комм. А. В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 55–62.
6. Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т. П. Гусарова. М.: КДУ, 2011.
7. Всеобщая история архитектуры. В 12-ти тт.: Т. 4. Архитектура Западной Европы. Средние века / Под ред. А. А. Губера, Н. Д. Колли, П. Н. Максимова, И. Л. Маца и др. М.;Л.: Изд-во литературы по строительству, 1966.
8. *Гайденко П. И.* Место киевского митрополита в системе политических отношений Киевской Руси (988–1037 гг.). Автореф. дисс. ... канд. исторических наук. Казань, 2005.
9. *Галимов Т. Р.* Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1237–1281 гг. Дисс. ... канд. исторических наук. Казань, 2017.
10. *Галимов Т. Р.* Митрополит Киевский и всея Руси Кирилл II (III): штрихи к историческому портрету // Историческая память и диалог культур: Сборник материалов Международной молодёжной научной школы. 5–6 сентября 2012 г. В 3 т. / Под ред. О. Н. Коршуновой и др. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. Т. 1. С. 92–102.
11. *Гумилев Л. Н.* Александр Невский и восточное христианство // Колпица. Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг / Отв. ред. Ю. К. Бегунов и А. Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 73–78.
12. *Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее / Пер. с англ. А. А. Зверева. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2007.
13. *Дворниченко А. Ю.* Крещение Руси и Литвы в контексте потестарного общества // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιρωσια· εν χρωω, εν προσωπω, εν ειδει. Альманах, Вып. 3: Материалы научной конференции “Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации”

---

<sup>33</sup> *Галимов Т. Р.* Митрополит Киевский и всея Руси Кирилл II (III): штрихи к историческому портрету // Историческая память и диалог культур: Сборник материалов Международной молодёжной научной школы. 5–6 сентября 2012 г. В 3 т. / Под ред. О. Н. Коршуновой и др. Казань, 2013. Т. 1. С. 92–102.

- лизации” Санкт-Петербург, 23-24 сентября 2015 г. / Под ред. к.и.н. прот. К.А. Костромина. СПб., 2015. С. 76-84.
14. Дворниченко А. Ю. Племенные структуры и славянские политогенезы (реплика) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. №2. С. 152-160.
  15. Дворниченко А. Ю., Фроянов И. Я. Города-государства Древней Руси. Л.: ЛГУ, 1988.
  16. Идрисов Э. Ш. Потестарно-политический процесс в традиционалистской этноспецифической среде. Дисс. ... канд. политических наук. Волгоград, 2005.
  17. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. д.ю.н., проф. О. А. Жидкова и д.ю.н., проф. Н. А. Крашенниниковой. 2-е изд., стер. М.: Норма, 2004.
  18. Костромин К., прот. К вопросу о сравнении крещения Руси и Литвы // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2016. Вып. 2 (14). С. 11-28.
  19. Костромин К., прот. Князь Владимир и истоки русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2016.
  20. Костромин К.А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken: LAP, 2013.
  21. Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988.
  22. Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М.: Наука, 2000.
  23. Мецгер Б. М. Новый Завет: контекст, формирование, содержание / Пер. с англ. Г. Ястребова. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006.
  24. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII веков. М.: Языки русской культуры, 2001.
  25. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968.
  26. Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л. Е. Куббеля. М.: Наука, Восточная литература, 1993.
  27. Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высшая школа, 1988.
  28. Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII-XVII вв. М., 1986.
  29. Успенский Н. Д. Византийская литургия: историко-литургическое исследование. Анафора: опыт историко-литургического анализа. Т. 2. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006.
  30. Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М.: Университетская книга, 2014.
  31. Фроянов И. Я. Древняя Русь. Очерки исследования истории социальной и политической борьбы. СПб.: Златоуст, 1995.
  32. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В. Введение христианства на Руси и языческие традиции // *Советская этнография*. 1988. № 6.
  33. Rosenwein V. Foreword. *Breaking the Rules: Textual Reflections on Transgression. Journal of the Lucas graduate conference*, 2016, no. 04, p. 4.